

Пролог

Однажды одна девочка верила, что ее полюбит самый настоящий Принц. Верила, что он спасет ее из темной затхлой башни и убьет зеленого дракона, который всегда обижал ее и не давал ей свободы. Верила, что станет для него особенной, самой лучшей. Верила, что достойна быть счастливой и любимой.

Однажды одна девочка верила...

Дура.

Глава 1

— Куда ты ее спрятала, сука?!
— Боря, пожалуйста, успокойся. Уже поздно.
— Я спросил, где моя бутылка? Ты че, сука, без меня все выжрала?
— Боря, не кричи, пожалуйста, девочки уже легли спать.
— Да похуй мне на твоих девочек! — рявкнул гортанно отец. — Пусть просыпаются и идут мне за бутылкой. Старшенькой твоей продадут. Слышь, Аленка!

Топот тяжелых шагов отца, и следом семенящих мамы, приблизился к закрытой двери в мою комнату. Очередь громоподобных ударов заставила меня сильнее прижаться к стене, спрятать голову в плечи и закрыть уши маленькой сестренке, которая тряслась в моих руках, беззвучно плача. Старая узкая кровать в полупустой комнате давно стала для нас островом спасения.

— Ты че там, уснула, паскуда мелкая? Опять ты, сука, мою бутылку в раковину вылила? Мало я тебя воспитывал? Еще хочешь?

— Боря, перестань, — безуспешно пыталась успокоить его мама. Судя по узкой полоске тени под дверью, она старалась преградить ему путь. — Девочки уже спят. Им завтра на учебу обеим. Ну зачем ты их будишь?

— Тебя кто-то спрашивал? Пошла вон отсюда! Пожрать мне что-нибудь сделай... Вали, я сказал!

Звуки возни и зарождающейся драки вызвали новый приступ истерики у Кати. Закрывать ей глаза и уши было бесполезно. Она уже взрослая и сама давно понимает, что и к чему приводит. Знает, почему наутро после подобных сцен мама надевает бесформенную одежду, закрывающую почти все ее тело, мало говорит, не смотрит нам в глаза и накрашена уже в семь утра.

Она все знает. И я все знаю. Все все знают. Даже соседи. Но, к сожалению, никто не знает, как это можно предотвратить или избежать

этого. Или знают, но не хотят делиться секретом того, почему за дверями их квартир всегда тихо и пахнет выпечкой. Похоже, счастье в этой жизни дано в ограниченном количестве и далеко не всем, и никто не хочет им делиться, даже если его много.

— Боря! — крикнула жалобно мама уже лежа на полу. — Девочек только не трогай. Не трогай их, пожалуйста!

— Я научу тебя и твоих девочек жизни. Вы у меня запомните, как уважать мужика. Аленка, открывай, сука! Сколько раз я говорил не закрывать эту дверь?! Мало я ее ломал? Еще хочешь? Аленка!

— Боря, пожалуйста, не надо. — Последняя отчаянная мамина попытка заткнуть извергающийся зловонный вулкан рукой обернулась для нее тем, что отец переключил все свое внимание только на нее, избивая ее так, что, когда промахивался, попадал в дверь и стены так сильно, что сотрясалось все вокруг.

— Мамочка! — рванула из моих рук Катя.

Сразу поймав ее, я снова запрятала ее под одеяло и попыталась отвлечь объятиями и укачиванием.

— Мрази, — подытожил отец, тяжело дыша, когда дошел до какой-то грани, установленной им самим, после которой переставал бить. — Я вас, блядь, кормлю, пою, одеваю, а вы мне что? Нихуя!

Тяжесть его шагов растворилась в коридоре. Через несколько секунд на кухне с оглушительным грохотом начала биться посуда.

— Сюда, блядь, иди! — рявкнул с кухни отец. — Пожрать сделай! Сколько еще раз надо сказать?!

Мама, тихо всхлипнув, зашевелилась под дверью. Заглушив стон боли, она медленно поднялась с пола и как послушная собачонка пошла к тому, кто ее снова побьет. Потому что сейчас она приготовит то, что ему точно не понравится. Ни по цвету, ни по вкусу, ни по запаху. Он даже не попробует. Просто смахнет со стола или бросит это в маму.

Наверняка, он даже не голоден. Ему просто нужен повод, чтобы продолжить начатое самоутверждение и унижение. Ему нравится, когда его боятся. Нравится, когда он чувствует свою безусловную власть и силу над тем, кто слабее и зависим от него.

Едва мама дошла до кухни и что-то произнесла, как вновь загремела посуда.

— Алена, — вцепилась в мою руку сестренка и заглянула в мое лицо заплаканными глазами. — Скажи ему, чтобы он больше не бил маму!

— Он не послушает. Ты же знаешь, котенок. И будет только хуже, если мы вмешаемся, — горько, но сдержанно ответила я, заправляя пря-

ди ее волос за уши. Если еще и я поддамся эмоциям, то у сестры точно случится истерика. Я достала из-под подушки наушники, телефон и протянула Кате. — Помнишь, ты хотела досмотреть мультик?

— Угу, — всхлипнула Катя, утирая мокрый нос уголком одеяла.

— Я его скачала. Можешь немного посмотреть перед сном.

Надев наушники, Катя вглядывалась в закрытую дверь с ужасом в голубых глазах. Но, к счастью, быстро отвлеклась на просмотр ярких, сменяющих друг друга кадров, а я же осталась прислушиваться к тому Аду, что разворачивался за закрытой дверью.

Так было не всегда.

Изначально все было хорошо. Почти как в сказке. У меня появился новый папа, который дарил мне и маме подарки, цветы, не забывал о праздниках и мелочах, был внимателен. Потом у меня появилась сестренка. Но в какой-то момент я поняла, что все мы — лягушки в постепенно закипающей воде. Как-то незаметно для нас солнечное «хорошо» превратилось в беспросветное «плохо». Мы потратили себя целиком на счастье, думая, что так будет всегда, и в итоге у всех нас не осталось сил сопротивляться злу, которому мы когда-то готовы были целовать руки, а теперь не можем от них даже увернуться.

Глава 2

После ночного «шоу» я проснулась чуть раньше будильника и поспешила его выключить до того, как он начнет трезвонить на всю квартиру.

Сестра еще спала. Я не стала ее будить, пока не узнаю, что происходит в квартире. В любом случае, у нее есть еще полчаса на сон, а затем придет пора собираться в школу.

Приподнявшись на локте так, чтобы не разбудить спящую в одной со мной кровати сестру, я прислушалась к тому, что происходило за дверью.

Были слышны шаги, шум чайника, его щелчок, бормотание тихих голосов, звук щеколды в туалете. Видимо, накричавшись вчера вдоволь, сегодня отец решил говорить тише. Хотя, еще не вечер. Если он запил, то это примерно на неделю. Утро начинается благочестиво, он даже пытается шутить и бросать комментарии, вяло напоминающие просьбы о прощении. А вечером мы не знаем куда от него спрятаться.

Я выбралась из-под одеяла и укрыла им плечи сестры. Спешно собрала волосы на макушке резинкой. Оглядываясь на дверь, переоделась из домашнего в джинсы, топ и толстовку, надела носки, закинула в рюкзак сменное белье, походную косметичку с самым необходимым, небольшое чистое полотенце и тетради с конспектами.

Приставив рюкзак у стены рядом с дверью, я, стараясь быть как можно тише, открыла замок и почти на цыпочках вышла из комнаты.

На кухне мама стояла у плиты и варила в небольшой кастрюле гречневую кашу с сосисками, покрошенными кружочками.

У нас не принято говорить друг другу «доброе утро» или что-то типа того. Потому что отец не любит, как он это называет, «бабский треп» с утра пораньше. Если мы с мамой и разговариваем, то только шепотом и тогда, когда отца рядом нет. Единственный после него человек, которому позволено говорить на любой громкости, это Катя.

Обойдя маму по дуге, я встала рядом с ней, достала из верхнего ящика одну из пяти уцелевших после вчерашнего кружку. Поставила ее на столешницу рядом с собой и, придвинув пакетик с растворимым кофе, потянулась за чайной ложечкой в ящик. Насыпав себе кофе и две ложки сахара из целлофанового пакета (сахарница разбита), я залила их кипятком, перемешала все в той же тишине и молчании. Отложила ложечку, взяла кружку и пригубила кофе, искоса глянув на маму.

Она смотрела на кипящую кашу неотрывно, будто в ней скрывалась какая-то загадка. Например, будет ли ее есть отец или назовет жратвой для собак и смахнет со стола?

Ее явно рассеченная нижняя губа опухла, под левым глазом виднелся плохо замазанный тональником свежий синяк. На скуле царапина, на лбу коросты, будто ее возили лицом по ковру. Она помешивала ложкой кашу, а на большом пальце был пластырь, под которым выступила кровь.

Что было под объемным черным свитером с высоким воротом — представить страшно. Он любит повалить на пол и бить ногами. Ему так удобнее и проще, ведь лежа едва ли можно оказать хоть какое-то сопротивление его силе, которая, на самом деле, является абсолютной слабостью, но он этого, к сожалению, никогда не осознает.

— Почему мы не уйдем от него? — этот вопрос я задавала каждый раз. После каждого избиения мамы или меня я спрашивала одно и то же и каждый раз получала примерно один ответ.

— И кому мы нужны? — тихо выронила мама, с опаской глянув на дверной проем, будто там мог стоять отчим. — Нас кто-то где-то ждет? — фыркнула мама иронично, вновь вернув внимание каше. — Думай головой, прежде чем задавать такие вопросы.

— Ты работаешь, я работаю. Мы давно уже могли бы снять квартиру и уйти от него, мам, — шепнула я, ровно с той же опаской поглядывая на дверной проем.

— Во-первых, он нас все равно найдет, и будет только хуже. А во-вторых, кто будет платить за твою учебу? Ты об этом подумала, Ален? — Мама лишь на мгновение перевела на меня строгий озлобленный взгляд и вновь вернула внимание кастрюле с гречкой и сосисками. — Ничего ты не подумала. Повзрослей сначала. Была бы умнее, училась бы на бюджетном, и никому не пришлось бы ради тебя на заводе надрывать спину. Завтракать будешь?

Это она сейчас отца так выгородила? Мол, он на заводе спину гнет, чтобы мою учебу оплачивать?

— Не буду, — ответила я на последний вопрос и выплеснула недопитый кофе в раковину. — Напоминать, по чьей вине я пропускала школу неделями, из-за чего плохо училась, я тоже не буду. В любом случае, он же у тебя самый лучший, — едкий смешок сорвался с моих губ, когда я помыла кружку и убрала ее обратно в ящик. — А если я брошу универ, чтобы ему не пришлось ни за что платить, мы уйдем от него?

— Не носи чушь, Алена. — Мама поморщилась, будто в дерьмо босой ногой наступила. — Учись, пока есть возможность. И скажи спасибо, что она у тебя вообще есть.

— Кому сказать? Ему? — кивнула я в сторону дверного проема. Воздух застрял в легких, а в солнечном сплетении вновь начала разрастаться холодная черная дыра, в которую я поспешно пыталась спрятать эмоции.

— Покричи мне тут еще! — Мама строго посмотрела на меня, но тут же снова отвернулась к плите. Ее руку с зажатой в ней ложкой мелко потряхивало. Злилась она сейчас или боялась, я не знала. — По пути с учебы купи сахарницу и новый графин для кипяченой воды, — добавила она уже мягче.

— Он разбил, он пусть и покупает, — бросила я и широкими шагами вышла из кухни. Вернулась в комнату, где прихватила заготовленный заранее рюкзак, телефон и зарядку. Наклонилась к Кате и, чмокнув ее в висок, тихо разбудила. — Катя, вставай. Уже утро.

— М? — Катя резко села в постели, сонно осмотрелась и потеряла вновь слипающиеся глаза кулачками. — А папа где?

— В туалете. Как обычно. Не бойся, он уже успокоился. — Катя молча зевнула и кивнула моим словам, словно принимая к сведению. Окинув комнату взглядом, чтобы ничего не забыть, я вновь вернулась к сестре, погладила ее по волосам и чмокнула в макушку. — Ничего не бойся. Тебя он не тронет. А если что, прячься в моей комнате. Ты же знаешь, как она закрывается?

— Ага, знаю.

— Вот и хорошо. Я ушла. Ты тоже постарайся не проспять школу.

Я вышла из комнаты, оставив приоткрытой дверь, чтобы Катя не вырубилась снова и пошла завтракать. В прихожей я поставила рюкзак к ногам, чтобы надеть ботинки. Выпрямилась, надела куртку, и в этот момент из туалета вышел отчим, а вместе с ним и вонь, состоящая из его дерьма, дыма сигарет и перегара.

— А ты куда так рано побежала, Аленка? — спросил он, поправляя резинку застиранных треников.

— На пары, — выронила я, стараясь при этом не вдыхать ту вонь, что он с собой принес.

— Ты представляешь, вчера совсем забыл, что бутылку в машине оставил. Чудик, мля. — Отчим хохотнул так, будто я точно поддержу его веселье. Но лучшее, что я смогла сделать в ответ, это промолчать. — А Катюшка где? Проснулась?

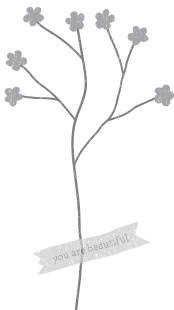
— В моей комнате.

— Катюшка! Пора вставать, — отец специально для родной и любимой дочки включил игривый тон и пошел в сторону моей комнаты.

— Ты зачем вчера маму бил? — услышала я через несколько секунд вопрос сестры, собираясь уже выйти из квартиры.

— Я не бил ее, Катюшка. Ты чего придумала-то? Она сама, наверное, запнулась да упала. Ты же знаешь нашу маму. Она у нас как обычно... — хохотнул он в своей мерзкой манере.

«И ты у нас, как обычно, ни в чем никогда не виноват», — подумала я и покинула, наконец, квартиру.

Глава 3

Автобусом до универа.

Две сонные женщины сорока лет нехотя пропустили меня на проходной по привычке, даже не вчитавшись в студенческий.

Наверное, потому что уже помнят в лицо. Здесь не много студентов, которые могут притащиться в такую рань.

Первым делом иду не в аудиторию, в которой лишь через час должна начаться пара, а в здание с бассейном и душевыми. Преодолев внутренний двор с клумбами и декоративными фонарями, я оказалась там. К моему счастью, открывают в семь утра.

В бассейне, в качестве обязательки по физкультуре, я занималась только на первом курсе. Сейчас, на втором, такая необходимость отпала, поэтому сюда я прихожу, только чтобы помыться в душе.

Дома мыться, когда там отчим, да еще и пьяный — не вариант.

Обычно стараюсь мыться, когда его нет дома. Но после универа я работаю, поэтому возвращаюсь, как правило, когда он уже дома. А в его присутствии я даже в туалет стараюсь ходить очень быстро.

Все дело в его «приколе» — именно так он первое время называл то, что делает. С моих семнадцати лет он решил, что это забавно — выламывать дверь туалета, когда я моюсь в душе. Типа «ха-ха, голая Алёнка!». Я с позором и презрением пыталась спрятаться хоть за что-то, желая скрыть наготу. Часто срывала шторку над ванной, потом начала ближе класть полотенце. Но даже за те короткие секунды, что я в спешке пряталась от похотливого взгляда его маленьких блестящих глаз, он успевал разглядеть все, что хотел.

Мама, слушая мои жалобы, тоже считала это своеобразным приколом отчима и даже уроком для меня, чтобы не занимала ванну подолгу. «Не одна же живешь. Совесть имей», — говорила она.

Со временем, когда отчим понял, что его действия перестали всем казаться просто приколом, он придумал маскировать свои грязные делишки под острую диарею. И диарея на него накатывала, именно когда я шла в душ. Он утверждал, что стучал и просил меня ускориться, потому что не мог больше терпеть, но я-то знала, что не было ни единого стука или просьбы. Он просто распахивал дверь, вырывая очередную вставленную им же щеколду, дергал целлофановую шторку и знал, куда нужно сразу смотреть, чтобы увидеть самое интересное, что я еще не успела прикрыть полотенцем или той же шторкой.

Поэтому мне пришлось приспособиться. Очень странно, когда доверия к безопасности и приватности общественного душа больше, чем к домашнему. Но даже его я надолго никогда не занимала. Выработалась привычка, наверное. Быстро мылась, брила ноги и подмышки, обтиралась маленьким полотенцем, которое специально брала вместе с косметичкой с небольшим набором для душа, и, переодевшись в чистое белье, вновь надевала верхнюю одежду и шла на пары.

Грязное белье приходилось весь день носить с собой в пакетике на дне рюкзака, чтобы вечером постирать и оставить сушиться на батарее в своей комнате за шторой. На сушилке в зале или на веревке в ванной я белье не сушу уже очень давно. С того дня, как отчим проявил к нему интерес, удивившись, что я начала носить кружево. Его это вообще волновать не должно было, но, какого-то хрена, он полез даже туда.

Он меня никогда не трогал и не касался в том тошнотворном плане, о котором можно подумать. Если он и касался меня, то исключительно в те моменты, когда бил, таскал за волосы или душил. Больше никаких, даже случайных, прикосновений он себе не позволял. Но, наверное, это до поры до времени, ибо его интерес к моей обнаженке нельзя назвать здоровым, хоть мама и пытается внушить мне обратное.

Пока я стояла у окна перед закрытой дверью в аудиторию, коридор постепенно заполнялся студентами. Еще сонными и ленивыми в столь ранний час. Они уверенно разбавляли тишину разговорами и смехом. Один умник не поленился даже на губной гармошке сыграть. Красиво, но когда болит голова от недосыпа, единственное, чего ты хочешь, — абсолютной тишины.

— О, привет, Алечка, — рядом со мной у батареи встала хорошая знакомая. Мы вместе учимся, даже на всех парах сидим вместе. Наверное, потому что не смогли пока найти друзей среди других одноклассников. — А ты чего, опять проспала? — кивнула она на мои все еще влажные волосы, собранные в пучок на макушке.